

ОБРАЗ МИРА РУССКИХ: СИСТЕМНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Н.В. Уфимцева

Аннотация. Излагаются основные теоретические положения московской психолингвистической школы применительно к внутри- и межкультурному общению. На материале ядра языкового сознания русских, выявленного путем анализа ассоциативно-вербальной сети (Русский ассоциативный словарь), обсуждаются основные особенности образа мира русских.

Ключевые слова: языковое сознание, культурный стереотип, ассоциативный эксперимент, системность образа мира.

Главным препятствием любого общения, а особенно межкультурного, является тот факт, что мысль нельзя непосредственно передать из одной головы в другую. Для этого мы пользуемся специальными знаками, прежде всего языковыми, и, следовательно, опираемся на знания, которые сформированы у нас в рамках родной культуры. Это ключевое положение для Московской психолингвистической школы и в той области исследований, которая получила имя этнопсихолингвистики.

Благодаря исследованиям структуры лексикона на материале ассоциативного тезауруса Дж. Киша (А.А. Залевская и ее ученики) и языкового сознания (Московская психолингвистическая школа) на материале Русского ассоциативного словаря (РАС), Славянского ассоциативного словаря и других ассоциативных словарей, мы имеем теперь направление психолингвистических исследований, которое пытается ответить на вопрос, на какое же содержание сознания опирается носитель той или иной культуры, когда он формулирует свою мысль, чтобы передать ее другому? Поскольку уже стало совершенно тривиальным для психолингвистов утверждение, что для того, чтобы общаться, необходимо иметь не только общий код, но и общность знаний (т.е. общность сознаний).

Экспериментальным путем, в частности через проведение массового ассоциативного эксперимента и построение на основе его результатов ассоциативно-вербальной сети, можно выявить системность образа мира носителей той или иной культуры [1] и, тем самым, систему их культурных стереотипов, которые отражают особенности национального характера.

Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, культурных стереотипов.

Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его

значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу. Культурные стереотипы усваиваются в процессе социализации. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. этническая.

Константность восприятия на уровне культуры как системы сознания, связанной с определенным этносом, обеспечивается именно культурными стереотипами сознания, т.е. парадигмами образов сознания, которые понимаются как способы восприятия и которые накапливаются в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов). Так, например, Н.И. Жинкин понимал образ сознания именно как образ восприятия. «Но ведь образ – это не предмет распознавания, а способ восприятия. Образ Кассиопеи создан в восприятии и памяти, а на небесном своде имеются лишь дискретные звезды...» [2. С. 52]. Наше восприятие обусловлено опытом, образованием, языком, культурой. При определенных обстоятельствах (в том числе, и когда речь идет о представителях разных этносов (культур)) одни и те же стимулы могут привести к различным ощущениям, а различные – к одинаковым.

Образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности, или, иными словами, может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах).

Наибольший интерес для исследователей представляют так называемые ассоциативные тезаурусы (существуют два: The Associative Thesaurus of English [3] и Русский ассоциативный словарь [4]). Материалы ассоциативного тезауруса позволяют исследовать системность образа мира носителей данной культуры. Одним из способов изучения системности образа мира по материалам массового ассоциативного эксперимента является выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, которые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети (представленной в виде Обратного ассоциативного словаря, см. Т. 2, 4, 6 РАС).

Анализ материалов Русского ассоциативного словаря открывает перед нами возможность выявить специфику системности образов сознания русских, т.е. в определенном смысле систему их ценностей и специфику самих образов сознания.

Ядро языкового сознания русских

Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов
1	человек	1404	26	стол	369	51,5	страх	287
2	дом	864	27	парень	368	51,5	умный	287
3	жизнь	711	28	дорога	361	53	долго	286
4	плохо	691	29	мир	360	54,5	далеко	285
5	большой	684	30	говорить	355	54,5	сильный	285
6	хорошо	677	32,5	есть	354	56	город	284
7	нет	667	32,5	дерево	354	57	зеленый	283
8	деньги	587	32,5	время	354	58	черный	282
9,5	друг	565	34	жить	350	59	боль	281
9,5	дурак	565	35	думать	349	60	всегда	278
12,5	лес	438	36	я	347	61	море	277
12,5	мужчина	438	37,5	разговор	344	62	муж	272
12,5	хороший	438	37,5	свет	344	63	счастье	270
14	день	436	39	мой	338	64	солнце	267
15	много	429	40	красный	330	65	собака	266
16	любовь	428	41	машина	323	66	кино	265
17	работа	426	42,5	женщина	321	67	ум	261
18	вода	420	42,5	книга	321	68	маленький	260
19	ребенок	413	44	грязь	318	69	сделать	259
21,5	радость	404	46,5	идти	308	71,5	очень	258
21,5	все	404	46,5	старый	308	71,5	он	258
22	дело	390	46,5	мальчик	308	71,5	предмет	258
23,5	плохой	378	48	белый	304	73	война	251
23,5	смерть	378	49	девушка	302	74	ночь	250
25	быстро	371	50	мужик	301	75	земля	247

По данным РАС, в русском языковом сознании наиболее важными являются такие реалии: **ДОМ, ЖИЗНЬ, ДЕНЬГИ, ЛЕС, ДЕНЬ, ЛЮБОВЬ, РАБОТА, ВОДА, РАДОСТЬ, ДЕЛО, СМЕРТЬ, СТОЛ, ДОРОГА**; оценки: **ПЛОХО, ХОРОШО, МНОГО, БЫСТРО, ВСЕГДА**; качества: **БОЛЬШОЙ, ХОРОШИЙ, МОЙ, СТАРЫЙ**. Типичными действиями для русских являются: **ЖИТЬ, ДУМАТЬ, ГОВОРИТЬ, ИДТИ** (табл. 2). Человек в ядре русского языкового сознания «параметризован» (термин Ю.С. Степанова) преимущественно как существо мужского пола.

Русские

персоналии	реалии	оценки	качества
1* человек 1 404	2 дом 864	4 плохо 691	5 большой 684
9,5 друг 565	3 жизнь 711	6 хорошо 677	12,5 хороший 438
9,5 дурак 565	8 деньги 587	15 много 429	23,5 плохой 378
12 мужчина 434	12,5 лес 438	25 быстро 371	46,5 старый 308
19 ребенок 413	14 день 436	60 всегда 278	51,5 умный 287
27 парень 368	16 любовь 428		51,5 сильный 285
36 я 347	17 работа 436		68 маленький 260
41,5 женщина 321	18 вода 420	действия	
44,5 мальчик 308	21,5 радость 404	30 говорить 355	
47 девушка 302	22 дело 390	34 жить 350	
48 мужик 301	23,5 смерть 378	35 думать 349	
60 муж 272	26 стол 369	46,5 идти 308	
69,5 он 258	28 дорога 361	69 сделать 259	
	29 мир 360		

* Цифры слева от слова обозначают ранг в ядре языкового сознания, а справа – число разных стимулов, вызвавших данное слово в качестве реакции по сумме трех этапов ассоциативного эксперимента.

Имеет свои особенности в русском языковом сознании и приписывание оценок. В ядре русского языкового сознания оценка как бы смещена в сторону признака положительного (за исключением пары плохо – хорошо, где оценки поменялись местами за счет результатов III этапа ассоциативного эксперимента, который проводился в 1994–1997 гг. и дал вообще большой прирост в ядре языкового сознания русских отрицательно окрашенных реалий и эмоций: *смерть, грязь, страх, ужас, война, зверь*). Особенно ярко это проявляется в случае пары **БОЛЬШОЙ** (ранг 5) – **МАЛЕНЬКИЙ** (ранг 68) и пары **ХОРОШИЙ** (ранг 12,5) – **ПЛОХОЙ** (ранг 23,5). Выявленный нами сдвиг в русском языковом сознании в парах оценок-признаков в сторону признака положительного формируется уже в онтогенезе и, как показывают психолингвистические эксперименты, положительные оценки окружающего усваиваются русскими детьми раньше, чаще ими употребляются, что слова «*красивый, хороший, друг*» легче запоминаются и вызывают большее число ассоциаций [4]. Вообще стремление все оценить, приписать всему определенное качество – это неотъемлемое качество русского менталитета, отражающееся и в языковом сознании, и в коммуникативном поведении русских.

Так, И.А. Стернин указывает, что русским свойственна «оценочность, любовь к высказыванию оценок людей и событий в процессе общения» [6. С. 104]. Вспомним, что, по Касьяновой, «одним из составляющих русского этнического характера является “судейский комплекс”, а это означает постоянную необходимость оценивать свое и чужое поведение с точки зрения определенных эталонов и норм поведения, принятых в нашей культуре, «стремление стать на “объективную” точку зрения, рассуждать и

оценивать как бы от имени “другого лица” или “дела”, а также от имени некоторого целого, которое включает в себя оценивающего субъекта вместе с “другими лицами” и внешними обстоятельствами» [7. С. 220].

Как показывают экспериментальные исследования (см. напр., [8]), этот самый «судейский комплекс» весьма своеобразно проявляется и при восприятии человеческого тела как культурного предмета: русские отдают предпочтение (неосознанно) социальной характеристике той или иной части тела (например, *глаза – добрые, руки – умные* и т.п.), а литовцы и грузины – размеру. При этом социальная характеристика в сознании русских наиболее важна для фигуры, головы, лица, глаз, рук.

Языковое сознание русских имеет в своем центре **ЧЕЛОВЕКА** (жирным выделены слова-стимулы, курсивом – слова-реакции; ранг 1404; ср. с данными П.В. Вальнкина [9. С. 149], который указывает, что одним из результатов исследования этнических стереотипов русских через исследование базовых и этнополитических категорий является выявленное им лидирование с большим отрывом по всем возрастным группам среди категорий частной жизни общечеловеческой – **ЧЕЛОВЕК** и профессиональной – **УЧЕНИК/СТУДЕНТ** принадлежности). Он *хороший* [1] (22), *добрый* (20), *разумный* (17), *умный* (15), *мудрый* (2). Он *гордый* (6), *красивый* (5), *смелый* (3), *надежный* (2), *сердечный* (1), хотя может быть *плохим* (6), *странным* (2), *трудным* (2) и *упрямым* (2). Это *человек дела* (8), *слова* (5), *долга* (2), *труда* (2), *чести* (1). Актуальной в сознании является связь таких понятий, как *человек – зверь* (13), *животное* (12), *обезьяна* (10), с одной стороны, и *человек – друг* (10), *брат* (2), *товарищ* (1) – с другой, хотя последний ряд и менее актуален. Достаточно редко *человек* воспринимается русскими как *гражданин* (4) и *личность* (4). Присущая русскому менталитету своеобразная планетарность мышления выражается в том, что *человек* соотносится с такими понятиями, как *земля* (8), *космос* (2), *Вселенная* (2). И лишь однажды *человек* соотносится с **Богом** (1).

По данным Обратного словаря [РАС-2], мы видим, что чаще всего вызывают в качестве реакции слово *человек* стимулы, описывающие качества: **серьезный** (204), **нужный** (201), **ничтожный** (178), **деятельный** (174), **немногословный** (163) и еще около 160 различных качеств приписывается человеку. По данным Обратного словаря [РАС-2], с человеком прежде всего ассоциируется **лицо** (12), **имя** (7), **спина** (6), **рука** (5), **фамилия** (5), **голова** (4), **сердце** (4). Прилагательные составляют 36,8% от всех реакций на слово-стимул *человек*, из числа же разных реакций на этот стимул прилагательные составляют уже 44% (вспомним опять-таки наш «судейский комплекс»). Вспомним и тот факт, что «чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него “параметров”, тем больше он “параметризован”. Человек занимает здесь вершинное место: ничто так не параметризовано, как человек» [10. С. 552].

Почти во всех социо- и этнопсихологических работах, в которых исследовались самопредставления русских, в число самых типичных черт

характера входила доброта, и, по данным Русского ассоциативного словаря, человек – прежде всего *хороший* и *добрый*. Первичные ценностные системы нашей культуры «повелительно требуют от человека быть причастным к чему-то “доброму”, “вечному” в мире, к чему-то непреходящему» [7. С. 183], в противном случае жизнь его не имеет смысла. И действительно, мы видим, что эта доминанта культуры – поиск смысла жизни – отражается и в структуре ассоциаций, ибо на стимул жизнь одна из самых распространенных реакций – это *смысл* (35). Вспомним также, что, по К. Касьяновой, личность сама по себе не является ценностью в нашей культуре, и в структуре ассоциативной статьи слова-стимула **человек** мы видим всего 4 раза встретившуюся реакцию «личность» (такой «параметр» человека оказывается не существенным в языковом сознании русских). Зато если человек находит свое место в этом мире, т.е. смысл своей жизни, то «становится частью самого космоса», «его элементом, который может активно влиять, воздействовать на всю систему, во всяком случае, он чувствует, что он с ней взаимодействует» [7. С. 185].

Второе по важности для образа мира современных русских понятие – это ДОМ [2]. *Дом* встречается как реакция на 593 разных слова-стимула (по сумме 1-го и 2-го этапов АТ). *Дом* прежде всего **наш** (112), **старый** (103), **деревянный** (87), **открытый** (19), **тихий** (5), с ним связано ощущение защищенности: это **крыша** (45), **кров** (14), **кровля** (9), **стена** (20), **это семья** (14), то место, где русский становится самим собой. *Дом* – **родной** (64), **мирный** (20). Интересно, что в понятие «дом» для русского входит и **двор** (19), и **улица** (19). *Дом* – это **родители** (15), **семья** (14), **отец** (13), **мама** (10), **мать** (3), **папа** (3), **бабушка** (2), **дети** (2), **сестра** (2), **брат** (1), **муж** (1). Наиболее типичные действия, которые связаны с домом, – это **строить** (83), **оставить** (28), **покинуть** (27), **покидать** (22), сюда примыкают **уйти** (5), **уходить** (5), **вернуться** (20), **приехать** (13). То, что кров, крыша весьма существенно в сознании современных русских связаны с понятием дома, подтверждает и такая ассоциативная пара, как **крыша дома** (147), где в качестве стимула выступает слово **крыша**, а наиболее распространенной реакцией является *дома* (147), а не случайность по отношению к дому такого действия, как «вернуться» – устойчивая связь стимула **вернуться** с реакцией *домой* (209).

Не менее важным для образа мира современных русских является понятие ЖИЗНЬ. Прежде всего *жизнь* соотносится со **смертью** (50). *Жизнь* – это **наука** (14), **борьба** (9), **путь** (4), **событие** (4), **урок** (5), **искусство** (3), **загадка** (1), но и **семя** (11), **воздух** (9), **вода** (6), **дерево** (6), **солнце** (4), **природа** (4). *Жизнь* – это **период** (7), **год** (5), **минута** (4), **история** (3), **вечность** (3). *Жизнь* – это **мать** (4). В *жизни* мы ищем **смысл** (35), **спутника** (26), **цель** (13), а также **корень** (9), **основу** (9), **ритм** (9). *Жизни* мы **радуемся** (40), мы стремимся ее **изменить** (36), **отдать** (28), **любить** (25), **возрождать** (16), **посвятить** (13), **прожить** (9), **познать** (4). *Жизнь* **идет** (3), **начинается** (2), **проходит** (2). *Жизнь прекрасна* (30),

хороша (16), интересная (6), счастливая (4), большая (3), яркая (2), святая (2), достойная (1), удивительная (1), но одновременно коротка (12), тяжелая (12), сложная (4), трудная (3), безотрадная (1), скучная (1), сложная (1), сломанная (1), ужасная (1). Жизнь – это дорога (6), поле (4), река (4), путь (2), воля (2), жизнь – это любовь (4), судьба (4), вечность (3), радость (3), счастье (3).

Очень важное место в образе мира современных русских занимает понятие ДРУГ. Так какой же он? По данным Прямого словаря (кн. 1), прежде всего *верный* (69), *надежный* (9), *настоящий* (9), *старый* (4), *верность* (3), *преданный* (3), *на всю жизнь* (2), *навек* (2), *навсегда* (2), *вечный* (1), *до гроба* (1), *до гробовой доски* (1). Важными характеристиками друга являются такие, как *близкий* (16), *закадычный* (8), *любимый* (4), *сердечный* (4), *дорогой* (2), *бесценный*, *близкий по духу, которого уважаю, родной, самый близкий человек* (1). Естественно, что такой друг – *лучший* (20), *милый* (12), *единственный* (9) и родом этот друг из *детства* (33), *детство* (5). Такой друг – это *моя защита* (1), *помощь* (1), *счастье* (1), *тепло* (1), *не оставит в беде* (1). Друг – это *товарищ* (27) и *брат* (10), но весьма часто и *собака* (17). Оппозиция друг – враг (47) хотя и является весьма устойчивой в сознании современных русских, однако в ассоциативном поле в целом представлена весьма слабо: *недруг* (9), *ложный* (1), *липовый* (1), *если не враг* (1), *измена* (1), *или враг* (1), *ложный* (1), *хуже врага* (1). Необыкновенную важность друга в жизни русского человека подчеркивает тот факт, что, по данным словаря Н.И. Бересневой, Л.А. Дубовской, И.Г. Овчинниковой [5], мы видим: уже к 10 годам в образе мира детей, воспитанных в русской культуре, друг занимает очень важное место. Если мы обратимся к Обратному словарю, то увидим, что чаще всего в качестве слова-реакции друг появляется на стимул *настоящий* (215), *лучший* (156), *верный* (64), *надежный* (52). Со словом друг чаще всего ассоциируются такие действия, как *встретить* (15), *помощь* (8), *разговаривать* (6), *доверять* (4), *помогать* (3), *поговорить* (3).

Как присущую русским особенность необходимо отметить, что друг – это чаще всего некто, не принадлежащий к моей семье. Это друг детства, *однокашник* (6), *одноклассник* (17), а среди родственников – *брат* (14), *сестра* (5), *мама* (3), *отец* (2), *бабушка* (1), *дядя* (1).

Как мы видим, русскому языковому сознанию присуща своеобразная человеко-другоцентричность. Русский нуждается в другом, в человеке-друге и готов воспринимать этого другого как хорошего, близкого себе.

По данным К. Касьяновой, «русским свойственно так называемое “диффузное общение”, в результате чего носитель русской культуры больше всего склонен закреплять себя в своеобразном материале, а именно в других людях» [7. С. 258]. Вот откуда такая другоцентричность нашего языкового сознания. Ведь, по словам К. Касьяновой, это древний механизм поддержания нашей культуры, когда качества передаются от человека к человеку непосредственно, личность формирует личность, и

наши друзья становятся нашим бессмертием. И формируется этот культурный архетип, как мы видели, уже в раннем возрасте.

Отражается в материалах Русского ассоциативного словаря и характер самого процесса нашего «диффузного общения». Будучи социальным интровертом, русский обращен внутрь своей малой группы, мнением которой он очень дорожит. Поэтому и любимое русское дело – **слово** – чаще всего имеет одну и ту же характеристику: **поговорить** – *по душам* (57) (в скобках указана частота данного слова-реакции); **разговор** – *по душам* (39), **душевный** (22), *по душе* (1); **беседа** – *по душам* (11), *по душе* (1).

К. Касьянова указывает на такую черту нашего этнического характера, как некоторая «вязкость» мышления и действия («русский мужик задним умом крепок»). И в Русском ассоциативном словаре мы встречаемся с такими характеристиками русского мышления, которые подтверждают правоту К. Касьяновой. Так, самая частая реакция на слово-стимул **думать** – *долго* (23) (*думал* – *долго* 9, *думает* – *долго* 6). Кроме того, **думает** русский *напряженно, много, постоянно, медленно*, хотя и не исключен вариант *быстро* (9). И еще одна интересная характеристика русского процесса думанья – это *вместе* (*думаем* – *вместе* (9), *думают* – *вместе* (6)).

Ну и, конечно, невозможно обойти вниманием так называемый русский коллективизм, который, по К. Касьяновой, является следствием ориентированности русских на ценностно-рациональную модель поведения. В языковом сознании русских устойчиво оказываются связаны две такие единицы, как **ВСЕ** и **ВМЕСТЕ**. Наиболее частотная реакция на стимул **все** – *вместе* (48), *мы* (30), *люди* (30). Если же мы обратимся к ассоциативному полю слова **вместе**, то увидим, что самая частотная реакция на него – *это со всеми* (32), *с другом* (19) (+ *друзья* (7) + *с друзьями* (5)), *семья* (6), (+ *с семьей* (3)). **Вместе** русским *весело* (25), *дружно* (10), *легче* (3), *хорошо* (2). **И вместе** русским *веселей жить* (17), *идти* (15), *быть* (11) и лишь затем *делать* (2), *работать* (2). По данным Обратных словарей (РАС, Т. 2, 4, 6), слово-реакция *вместе* появляется на такие стимулы: **мы, собраться, все, собираться, бедствовать, жить, гулять...** и лишь затем **работать**. А поскольку труду в системе ценностей русской культуры, в отличие от протестантизма, отводится место отнюдь не главное (см. объяснение этому у К. Касьяновой), то и это находит свое отражение в языковом сознании русских. **Работа** для русского прежде всего *трудная* (33), а **труд** – *тяжелый* (40), *непосильный* (7), *напрасный* (6), *каторжный* (5), *бесполезный* (4), хотя иногда и *облагораживает* (10), если имеет, заметим, цель, лежащую за пределами чисто материальными. Да и поговорки, которые фиксирует РАС, говорят о пренебрежительном отношении к труду: **работа** – *не волк* (22), **работать** – *спустя рукава* (8).

Остановимся еще на одном очень важном понятии ДУМАТЬ (встретилось в качестве реакции на 299 разных слов-стимулов). Так что же такое **думать** по-русски: это прежде всего *мечтать* (17) (ср.: **думаем** – *мечтаем* (7), **думает** – *мечтает* (5)) и *мыслить* (17) (ср.: **думает** –

мыслит (5), *думаешь* – *мыслишь* (5), затем – это *решать* (10), *размышлять* (9), *гадать* (8), *сидеть* (5), *говорить* (4), *знать* (4), *работать* (4), *соображать* (4), *вспоминать* (2), *делать* (2), *понимать* (2), *существовать* (2)). И *думают* русские *долго* (23) (ср.: *думает* – *долго*, *думал* – *долго* (9), *думали* – *долго* (3), но иногда и *быстро* (9), *напряженно* (7), *много* (4), *постоянно* (4), *медленно* (3)). И еще одна интересная характеристика русского процесса думания – это *вместе* (*думаем* – *вместе* (9), *думают* – *вместе* (6)). И чаще всего русские думают *о нем* (21) и *о жизни* (14) (ср.: *думает* – *о жизни* (4), *думала* – *о жизни* (2), *о себе* (11), *о будущем* (10), *о доме* (6), *о любимом* (3), *о матери* (3)). Ну как тут не вспомнить такое наблюдение В. Розанова: «Русский, кроме того, что он прямо говорит или делает, вечно что-то еще около этого думает. Это – народ, вечно оглядывающийся на себя, смотрящий “вслед себе”...» [11. С. 141]. Да и поговорку о том, что *русские долго запрягают, да быстро едут*, тоже можно вспомнить.

Самая частая характеристика, которую дают русские предметам окружающего мира, – это **БОЛЬШОЙ** (встретилось в качестве реакции на 453 разных слова-стимула по данным двух этапов АТ). И прежде всего **БОЛЬШИМ** для современного русского видятся *дом* (41), *друг* (23), *человек* (22), *дурак* (13), *стол* (7). Если мы обратимся к табл. 1, то увидим, что именно эти реалии принадлежат к числу наиболее существенных для обыденного сознания современных русских.

Мы уже указывали выше, что главной характеристикой русского «думания» является «долго». Если теперь мы посмотрим, каким действиям прежде всего приписывается эта характеристика, то увидим, что это – **молчать** (58), **спать** (54), **ждать** (35), **гулять** (25) и **думать** (23). Таким образом, связь в русском языковом сознании этих двух понятий очень устойчива, что, несомненно, находит отражение и в особенностях поведения.

Если теперь мы попытаемся сравнить ядро языкового сознания современных русских, полученное по данным трех этапов ассоциативного эксперимента (1986–1998), и структуру базовых ценностей, выявленную социологами, то увидим, что в ядре языкового сознания русских представлены только ценности, которые, по классификации социологов, ориентированы на обеспечение индивидуальной жизни [12. С. 68–69]:

- у социологов: семья-дом, любовь, труд, достаток, мир,
- в РАС – дом, жизнь, деньги, любовь, работа-дело, мир.

Данные раннего онтогенеза показывают, что **ЧЕЛОВЕК**, **ДОМ**, **ХОРОШО**, **БОЛЬШОЙ**, **ГОВОРИТЬ** а также негатор **НЕ** (в РАС маркирован как **НЕТ**) являются смысловыми доминантами русской языковой личности. Эти доминанты действуют в семантической системе ребенка с трехлетнего возраста [13. С. 17], а к шести годам к ним добавляется **ДРУГ**.

Эти данные, на наш взгляд, подтверждают гипотезу Т.Н. Ушаковой, объясняющую стабильность группировки слов (и понятий), существую-

щую в течение всей жизни человека, «как сохраняющийся след первых детских впечатлений». Можно предположить, что и этнический характер – эта «порождающая грамматика поведения» (К. Касьянова) возникает таким же образом.

Устойчивость и неслучайность выявленной структуры ядра языкового сознания современных русских и, тем самым, архетипов их языкового сознания подтверждается при сравнении с результатами реконструкции языкового сознания человека, жившего в X–XI вв., по материалам старославянского языка («Старославянский словарь» под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой), проделанной Т.И. Вендиной [14].

Т.И. Вендина в заключение работы пишет, что «язык культуры Средневековья, ее ценностные императивы оказались во многом созвучны русской культуре, являясь нашим своеобразным «молчаливым наследием» [14. С. 325].

Первая особенность, которую отмечает Т.И. Вендина, заключается в том, что весь лексикон старославянского языка «организован вокруг человека» и «эта идеографическая сфера является наиболее лексически и словообразовательно проработанной. Человек... – центр мироздания» [14. С. 22]. Данные РАС, как мы видели выше, свидетельствуют о том же: языковое сознание современных русских также имеет в своем центре ЧЕЛОВЕКА.

Т.И. Вендина указывает, что языковое сознание носителя старославянского языка сосредоточено, прежде всего, на человеке как социальной и духовной личности, оставляя в стороне его физическую природу [14. С. 24]. Можно сказать, что эта тенденция прослеживается, как мы видим, и по материалам РАС, хотя значительно увеличилось внимание к физической стороне человека. Полностью или почти полностью утраченным в языковом сознании современных русских оказалось определение человека по его отношению к Богу (в РАС лишь однажды **человек** соотносится с **Богом** (1)). Если мы обратимся к данным С.Г. Незговоровой [15], то увидим, что **человек** и окружающий его мир (мир его обыденной жизни) занимают центральную позицию в языковом сознании современных русских (530 слов, составляющих ядро языкового сознания, связаны с более чем 33 000 разных слов в вербально-семантической сети РАС).

Как на интересную особенность языкового сознания носителя старославянского языка Т.И. Вендина указывает на отсутствие в нем, так же как и в древнерусском, слова **личность**, приводя в подтверждение слова В.В. Виноградова о том, что «Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие... об отдельном человеческом “я” как носителе социальных и субъективных признаков и свойств» (Виноградов, 1994. С. 10, цит. по: [14]). Что же показывает нам РАС? Мы видим, что слово **личность** присутствует в вербально-ассоциативной сети, но занимает в ней очень скромное место, встречаясь 131 раз в качестве реакции всего на 56 разных слов-стимулов. (Для срав-

нения напомним, что слово **человек** встречается 12 683 раза в качестве реакции на 1 355 разных слов.) Можно предположить, что для тех русских респондентов, ответы которых вошли в РАС (а их более 8 000 человек), до сих пор не очень-то свойственно представление об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков.

Может быть, права К. Касьянова [7], которая пишет, что личность сама по себе не является ценностью в нашей культуре. А что есть личность в русской культуре? Ее К. Касьянова определяет как «некоторое единство человека и особого, неповторимого места в мире, в структуре космоса» [7. С. 185]. Для человека, «нашедшего себя», т.е. свое, как бы только для него и существующее место в этом мире, «целесолагание разворачивается как бы естественным путем, на твердой основе его представлений о мире и своем месте в нем. Его целесолагание ценностно обоснованно. Те цели, которые он достигает, нужны не только ему, но и миру. По Касьяновой, наиболее сильные ценности русского этноса лежат именно в области социального целого. Именно этим объясняется такая огромная значимость для русских именно ценностно-рациональной модели поведения. «Мы – народ воистину коллективистский, мы можем существовать только вместе с социумом, который мы постоянно устраиваем, охорашиваем, волнуемся и переживаем из-за него... Он есть тот сложный и умный инструмент, с которым мы подходим к миру вообще, к большому миру – космосу, в который бросила нас жизнь, чтобы воздействовать на него в том направлении, в каком предписывают нам поддерживать его наши ценности. Наш социум, наша группа – это средостение, связующее звено между нами и этим миром. Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать соборной личностью» [7. С. 180].

Таким образом, оказывается, что наша группа, наш социум – это и есть единственно возможный в нашей культуре инструмент реализации ценностей каждой отдельной личности. Культура же западноевропейская предполагает, что каждая личность может воздействовать на мир самостоятельно, своими личными, индивидуальными актами.

Остановимся еще на одной особенности языкового сознания современников Кирилла и Мефодия, на которую указывает Т.И. Вендина, а именно что «красота для средневекового человека – это, прежде всего, понятие нравственное, соотносящееся с категорией добра и блага, поэтому красивый человек – это человек добрый» [14. С. 68]. По данным РАС, эта связь почти утрачена: слово-стимул **красивый** не вызывает ни одной реакции *добрый*. Хотя, как мы видели выше, сама характеристика *добрый* применительно к человеку является одной из самых частых в РАС. Однако если мы обратимся к русской части более позднего Славянского ассоциативного словаря [16], то увидим, что стимул **красивый** достаточно часто вызывает реакцию *добрый* (7).

Т.И. Вендина отмечает ориентацию на других в социальном поведении, «другоцентричность» сознания средневекового человека, а РАС в

полной мере подтверждает наличие этого качества и у современных русских. (Слово-реакция ДРУГ встретилось 3 169 раз на 548 разных стимулов.)

Определяя тип общения, свойственной русской культуре, К. Касьянова приходит к выводу, что «им является “диффузное общение” (термин Т. Парсонса), которое характеризуется тем, что русские отбирают себе друзей и знакомых не с точки зрения того, какие цели с ними удобно и интересно осуществлять (как при “конкретном общении”), а по глобальным признакам, характеризующим их как личность» [7. С. 250]. Такой круг общения обладает определенной замкнутостью, он не любит «чужаков». Русский – социальный интроверт, что означает его обращенность внутрь своей малой, первичной группы, внутри которой он очень чувствителен к мнению окружающих. К остальным же он проявляет сильную «социальную невозмутимость».

Еще одной отмечаемой Т.И. Вендиной особенностью является своеобразный коллективизм (предпочтение совместного действия, чувство сопричастности, заботы о ближнем) средневекового человека [14. С. 315]. Коллективизм же современных русских, который, по К. Касьяновой, является следствием ориентированности русских на ценностно-рациональную модель поведения, в материалах РАС также хорошо просматривается.

Описывая мир обыденного сознания средневекового человека, Т.И. Вендина выделяет значительную группу имен, связанных с обозначением жилища, которые, по ее мнению, указывают на то, что «жилище в сознании средневекового человека было социально дифференцировано» [13. С. 177–178]. С аналогичной картиной мы сталкиваемся и в материалах РАС: в качестве реакций на стимул **дом** находим *хата, вилла, дача, изба, избушка, квартира, убежище*.

И если, по данным Т.И. Вендиной, «...лексика, связанная с жизнью средневекового человека, миром его предметов домашнего обихода, одеждой, трапезой, представлена значительно скромнее» [14. С. 178], то данные РАС показывают, что в языковом сознании современных русских эти сферы обыденного сознания значительно более «проработаны» и наполнены большим содержанием.

Интересно, что не изменилось отношение к труду, который воспринимался средневековым человеком как тяжелый, подневольный [14. С. 36], и в РАС **труд** – *тяжелый* (40), *непосильный* (7), *напрасный* (6), *каторжный* (5), *бесполезный* (4).

Как на специфическую черту языкового сознания средневекового человека Т.И. Вендина указывает «на высокую степень детализации ментальной сферы старославянского языка, что находит свое выражение прежде всего в наличии целой серии глаголов, указывающих на мыслительную деятельность человека» [14. С. 146]. Особое место среди этих глаголов занимают глаголы со значением «думать» (думать, мыслить, размышлять). Если мы обратимся к языковому сознанию современных русских, то увидим, что «думать» – один из четырех глаголов, вошедших в

центр ядра их языкового сознания, и **думать** для них – это *мыслить* (17), *о жизни* (14), *размышлять* (9), *напряженно* (7), *соображать* (4), *понимать* (2), *анализировать* (1). Однако если, как указывает Т.И. Вендина, в старославянском языке нет глаголов со значением «мечтать», то данные РАС говорят нам, что **думать** для нашего современника очень часто означает именно *мечтать* (17).

Еще одна группа глаголов, на которую обращает внимание Т.И. Вендина, – это глаголы, обозначающие различные речевые действия. [14. С. 152]. «Наш “герой”, – пишет Т.И. Вендина, – не просто любил поговорить, он любил общаться» [13. С. 153]. Оказывается, что и современный русский унаследовал эту особенность, и глагол **говорить** – это также один из четырех глаголов, входящих в центр ядра его языкового сознания. **Говорить** – значит *болтать* (12), *рассказывать* (5), *думать* (3), *излагать* (3), *сказать* (3), *общаться* (2), *спорить* (2). (Сам глагол *говорить* встречается, по данным Обратного словаря [РАС. Т. 2], в качестве реакции 1 340 раз на 347 разных слов.)

Отражается в материалах Русского ассоциативного словаря, как мы видели выше, и характер самого процесса нашего «диффузного общения».

Настоящей лакуной в языковом сознании современных русских, по сравнению с языковым сознанием носителя старославянского языка, является отношение к Богу. Как пишет Т.М. Вендина, «божественный принцип Средневековья был его главным, регулятивным принципом, определявшим жизнь каждого человека» [14. С. 158]. В языковом сознании современных русских, по данным РАС, Бог занимает более чем скромное место (встретилось всего 222 раза в качестве реакции на 90 слов-стимулов).

Подводя итог этому беглому сравнению, мы можем сказать, что «молчаливое наследие» Средневековья, действительно, живет в образе мира современных русских, в том числе и в структуре, в укладе их бессознательной духовности. Как мы видим, в языковом сознании современных русских отражаются многие особенности нашего этнического характера, основы которого были заложены православием, и материалы Русского ассоциативного словаря могут с успехом использоваться не только для изучения собственно языковых структур, но, наряду с результатами социальных и этнопсихологических исследований, служить достоверным материалом для исследования культурных стереотипов современных русских.

Еще одно подтверждение стабильности и неслучайности выявленной системности языкового сознания русских мы получаем при анализе материалов Славянского ассоциативного словаря. Как показала Н.В. Сабуркина [17], ядро языкового сознания белорусов, болгар, русских и украинцев характеризуется не только сходством общего состава, но и структуры: примерно в 70% случаев анализируемые единицы совпадают по рангу в структуре ядра, что подтверждается и коэффициентами корреляции при попарном сравнении.

Литература

1. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
3. Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. Edinburgh: Univ. of Edinb. MGC Speech and Communication Unit, 1972.
4. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. М., 1994–1998. Т. 1–6.
5. Береснева Н.И., Дубовская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.
6. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97–112.
7. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
8. Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1995. № 3.
9. Валькини П.В. Этническая идентичность, этноаффилиация и этнические стереотипы русских – коренных жителей Саратовской области // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 145–155.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
11. Розанов В.В. Франко-русские впечатления Т. 1: Религия и культура. М., 1990. С. 141–145.
12. Ментальность россиян / Под ред. И.Г. Дубова. М., 1997.
13. Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3–6 лет: Науч. докл. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 1998 (рукопись).
14. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
15. Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
16. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь. М., 2004.
17. Сабуркина Н.В. Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян (на материале русского, белорусского, украинского, болгарского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

IMAGE OF THE WORD OF RUSSIANS: THE SYSTEMIC CHARACTERISTICS AND THE CONTENT

Ufimtseva N.V.

Summary. To achieve understanding, dialogue participants have to possess 1) common knowledge of the language used (as well as common communication skills) and 2) common knowledge of the world in the form of images of consciousness. Comprehension of the systemic characteristics of culture objects requires understanding of culture as a system, since systemic characteristics cannot be observed, have a symbolic nature, which makes them «open» for the autochthonous culture members only. Members of the autochthonous culture have «the privilege» of being familiar with culture and social systems which incorporate these objects. It can be assumed that conflicts of misunderstanding in intercultural communication result from the lack of knowledge of systemic characteristics of culture objects. Mass association experiment proved to be effective methods to identify the systemic characteristics of culture objects. An association field may be understood as representation culture stereotypes of a culture member. Investigation of the verbal consciousness using association experiments allows for identification of the systemic nature of consciousness image content represented by the association field of a certain word in a certain culture as well as the systemic nature of the verbal consciousness as a whole.

Key words: verbal consciousness, culture's stereotype, association experiment, systemic nature of the word image.